

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ

Алексей Сергеевич Кошель,
кандидат политических наук, проректор
Дальневосточного федерального
университета

ОГРАНИЧЕНИЕ СУДОМ СУВЕРЕНИТЕТА ПАРЛАМЕНТА КАК ОСНОВА СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА

Справедливое общество характеризуется разделением властей и наличием независимых парламента и судебных органов. Однако если первоначально разделение властей задумывалось в теории права как ограничение власти монарха, то сегодня в силу возрастающего массива законодательных актов и вопросов, по которым именно парламент принимает решение, все больше возрастает необходимость усиления роли судебной власти по контролю и надзору над решениями парламента, выстраивания единого понимания духа права, соблюдения конституционных прав и свобод граждан, иначе - естественных прав. Именно сильный и независимый суд способен защитить граждан от диктатуры не только монарха, с чем неплохо справляется и сильный парламент, но и от диктатуры самого парламента. Однако в статье приводятся примеры из современной зарубежной конституционной судебной практики, когда суды выходят за пределы своих полномочий. В этой связи перед читателем и наукой автор ставит закономерный вопрос: где границы судебного контроля над решениями парламента?

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, парламентский суверенитет, суд, судебная система, правосудие, конституционное право, парламентское право, справедливость, законотворчество

Для каждого конституционного государства в современном мире принцип справедливости имеет первостепенное значение. Справедливое общество – такое общество, которое обеспечивает правовую определенность и правовую защиту гражданских прав, ины-

ми словами – равные условия, во избежание злоупотреблений и нарушений принципов естественного права.

Неограниченная власть в силу несовершенства социальной природы человека, как правило, приводит к злоупотреблениям. Поэтому ограничение парламентом

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВОСУДИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

власти монарха, по заверению средневековых философов, – фундамент справедливого общества¹. Веками народы стремились к обществу парламентского типа, где власть не принадлежит единолично государю, а ограничена властью народа и его полномочных представителей, а права человека являются фундаментальными источниками права. С XVIII века в мире возобладал приоритет идей конституционализма и представительной демократии или парламентаризма². Сегодня из 213 государств, в разной степени признанных Организацией Объединенных Наций, только в 20 отсутствуют парламентские институты.

Любые юридические принципы и институты подвержены изменению и развитию, и в задачу ученых-правоведов входит определение новой парадигмы позитивного права, что составляет, собственно, доктрину права. История отечественного парламентаризма невелика, поэтому основной задачей правовой науки на современном этапе является выработка парадигмы развития российского парламентаризма и доктрины парламентского права. Несомненно, что для их выработки необходимы скрупулезный сравнительно-правоведческий анализ зарубежного парламентаризма и зарубежного парламентского права.

Неоценимый вклад в развитие парламентаризма внес британский юрист Альберт Вэнн Дэйси (1835-1922), который разработал доктрину парламентского суверенитета (дословно – «юридического суверенитета» парламента), которая признавала неограниченную законодательную компетенцию британского парламента, а значит безусловную власть Британского парламента. Дэйси указывает, что «принцип суверенитета Парламента означает всего лишь, что Парламент уже в силу самого своего определения («Король в Парламенте») имеет право, согласно Конституционной доктрине Великобритании, принимать или отменять любой закон. Кроме того, ни одно лицо или орган не имеет права, согласно Общему праву, отменить или проигнорировать законодательный акт, принятый Парламентом»³. Однако впоследствии, в известном деле Стокдейла и Хэнсэрда о парламентской привилегии, судьей Лордом Дэнменом отмечено, что Палата общин – это не Парламент, а составная его часть, и хотя в силу своей координирующей роли она высту-

пает «большим жюри» британской нации, она не может сама по себе исправлять правонарушения и проступки, наказывать за них, но может выдвинуть обвинение или совместно с другими институтами законодательной власти попытаться исправить негативное влияние путем принятия нового законодательного акта⁴. Кроме того, как отмечает профессор Оксфордского университета П. Элефтериадес, в полной мере парламентский суверенитет ограничен верховенством права, разделением властей и основными гражданскими правами и свободами⁵.

Под парламентским суверенитетом в доктрине права понимается незыблемость и безусловность принимаемых парламентом актов. Однако с XVII века в Великобритании, с XIX века в США, а с середины XX века в Европе с появлением доктрины конституционализма, т. е. незыблемости и приоритета прав и свобод человека и гражданина, суды вправе не применять неконституционный акт парламента, т. е. акт, не соответствующий, по мнению суда, конституции либо умаляющий и необоснованно ограничивающий или отменяющий естественные права⁶.

Парламентский суверенитет немислим без парламентского иммунитета. Иммунитет парламента обусловлен его конституционно-правовым статусом в системе разделения властей. Ни одна другая ветвь власти не вправе вмешиваться в дела парламента, понуждать парламент к принятию тех либо иных актов либо к отмене ранее принятых парламентом решений. Парламент вправе рассматривать дела по своему усмотрению.

Однако в ряде государств сегодня парламентский иммунитет ограничивается рядом президентских полномочий. Например, право президента Казахстана объявлять законопроект срочным и требовать его кратчайшего рассмотрения есть ни что иное, как посягательство исполнительной власти на парламентский суверенитет.

Парламентская власть в демократическом обществе не может считаться непреложной, она производна от народного суверенитета и им ограничена в первую очередь. Кроме того, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную при действенном механизме сдержек и противовесов напрямую свя-

1 Винсент Э. Теории государства. Тегеран: Ней, 1992. С. 139.

2 Бакушев В. В., Понедельков А. В. Проблема принятия высших политических решений: глобальное управление и парламентаризм // Власть. 2015. № 2. С. 11–15.

3 Dicey A. V. Introduction to the Study of Law of the Constitution. 8th ed. L.: Macmillan, 1915. Reprinted Indianapolis: Liberty Fund, 1982. P. 3–4. Цит. по: Элефтериадес П. Парламентский суверенитет и Конституция // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 3. С. 29–55. С. 30–31.

4 Keir D. L., Lawson F. H. Cases in Constitutional Law. 4th ed. Oxford: Clarendon Press, 1954. P. 127–140. P. 127–130. Цит. по: Элефтериадес П. Парламентский суверенитет и Конституция // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 3. С. 29–55. С. 33.

5 Элефтериадес П. Парламентский суверенитет и Конституция // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 3. С. 29–55. С. 39.

6 Robert Chambers. A Course of Lectures on the English Law: Delivered at the University of Oxford, 1767–1773, 2 vols, ed. T. M. Curley. Oxford: Clarendon Press, 1986. Vol. 1. P. 141; William Paley, Principles of Moral and Political Philosophy, 2 vols (London: Faulder, 1791). Vol. 2. P. 191.

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ

зывается с реализацией конституционного принципа правового государства. Разделение властей – неотъемлемый принцип любого современного демократического государства, иными словами, демократический стандарт современного общества. Независимые и сильные представительная и судебная ветви власти – фундамент современного здорового общества, гарант политической стабильности, основа процветания нации. Вместе с тем учеными сегодня отмечается, что в современном конституционном праве имеет место «гибкое» разделение властей, базирующееся на «диалектическом единстве противоположных тенденций противостояния и взаимозависимости различных ветвей власти»⁷. Вместе с тем ограничения, которые подвержены санкциям, по мнению видного советского правоведа О. Э. Лейста, несовместимы в полной мере с управленческой деятельностью⁸, так как страх наступления ответственности сковывает инициативу, важнейший элемент управленческой (не руководящей, а именно управленческой) деятельности, присущей парламентарию. Иной точки зрения придерживается профессор Высшей школы экономики М. А. Краснов, который указывает, что на современном этапе конституционного развития доктрина парламентского суверенитета немаловажна без ответственности в системе народного представительства⁹.

В сущности, различают два вида ответственности в парламентском праве: юридическая и политическая ответственность (по основанию наступления) и ответственность самого представительного органа (коллективная) и ответственность члена (депутата) парламента (палаты парламента) (индивидуальная) (по субъектному составу).

Под политической ответственностью понимают вид социальной ответственности за деяния, за которые к органу власти либо должностному лицу может быть применена санкция в форме отстранения от политической деятельности. Политическая ответственность обеспечивается публичным характером власти и свободой слова. Как известно, парламент вправе принять, изменить или отменить любой закон, но любой парламентарий и политическая партия отдают себе отчет в том, что принятое ими решение главным образом скажется на численно-

сти граждан, которые поддержат эту политическую силу на следующих парламентских выборах¹⁰.

В то же время под юридической ответственностью понимают вид социальной ответственности, предусматривающий применение к виновному в совершении противоправного деяния лицу мер государственного принуждения. Применение санкций непосредственно к парламенту и депутатам за осуществление конституционных полномочий по принятию, изменению или отмене законодательных актов недопустимо и противоречит доктрине разделения властей. Однако сами законодательные акты могут и должны подвергаться судебной оценке. Как верно заметил И. А. Покровский, закон не действует механически, он нуждается в живом посреднике, коим является суд, и более того, возникает вопрос, должен ли суд применять закон в тех случаях, когда суд ощущает его как норму несправедливую и оттого нарушающую естественные права?¹¹

К примеру, судебная власть в Англии с XVII века подвергая критическому осмыслению доктрину парламентского суверенитета в связи с возрастающим значением доктрины конституционализма, иначе – верховенства прав и свобод человека, выработала доктрину неприменения актов парламента, которые, по мнению суда, необоснованно отменяют или ограничивают фундаментальные права, в силу того, что, признавая парламентский суверенитет, судебная власть не вправе отменять или признавать недействительными акты парламента¹². Свое развитие аналогичная норма права получила в § 4 Кодекса Наполеона 1804 года, где прямо запрещалось судам останавливать судебное разбирательство по причине «темноты и недостаточности закона». А в § 26 Иозефинского кодекса Австрии в таких случаях предписывалось судам принимать решение на основании естественных принципов права, т. е. по справедливости¹³.

Современная концепция конституционализма отнесла полномочие ограничивать применение того или иного акта Парламента к компетенции высших судов. К примеру, в России – это Конституционный Суд Российской Федерации в силу ч. 2 и ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, а в Японии – это Верховный Суд в силу ст. 81 Конституции Японии, которые могут признать тот или иной закон или правовой акт не соответствующим Конституции и тем самым остановить его применение судами,

7 Сравнительное конституционное право / отв. ред. В. Е. Чиркин. М., 1996. С. 433; Брынзов И. И., Чернобаева А. Ю. Конституционные основы законодательной власти // Публичное и частное право. 2009. № 2 (2). С. 102–113.

8 Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 230.

9 Краснов М. А. Ответственность в системе народного представительства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02; [Место защиты: Институт государства и права РАН]. – М., 1993. – 34 с.

10 Neil Duxbury. *Acquisitive prescription and fundamental rights* // University of Toronto Law journal. 2016. Vol. 66. Issue 4. P. 472–512.

11 Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг.: Право, 1917. С. 65–66.

12 Neil Duxbury. *Acquisitive prescription and fundamental rights* // University of Toronto Law journal. 2016. Vol. 66. Issue 4. P. 472–512.

13 Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг.: Право, 1917. С. 68.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВОСУДИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

а равно должностными лицами и самими органами государственной власти и местного самоуправления.

Прямое действие Конституции Российской Федерации наделяет правом оценки применяемого в конкретном деле правового акта каждого судью судебной системы Российской Федерации, и в случае правовой неопределенности в вопросе о конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле, суд должен руководствоваться прямой нормой Конституции¹⁴. Этот довод обоснован и правовой позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, закрепленной в постановлении от 31 октября 1995 г. № 8. Также по мнению профессора С. А. Авакьяна, прямое конституционное регулирование общественных отношений ценно само по себе, даже без последующей детальной регламентации в законодательстве. Однако хотелось бы предостеречь судебную систему от злоупотреблений под влиянием сиюминутной политической конъюнктуры. В современной правовой практике иностранных государств уже заметны тенденции фактического выхода судов за пределы исключительно судебных полномочий при рассмотрении вопросов соответствия конституции законов, а значит, и их применения в конкретном деле. Ярким примером того может являться абсурдное, на наш взгляд, решение Конституционного Суда Украины по запросу группы депутатов Верховной Рады Украины о проверке конституционности действующего на момент оспаривания уже несколько лет Закона Украины о поправке к Конституции Украины, которым указанная поправка была не только признана «неконституционной», но также и была прямо отменена решением уважаемого суда¹⁵. Такой подход вряд ли можно считать демократичным и соответствующим принципам разделения властей, и, как было указано в особом мнении к указанному решению судей Конституционного Суда Украины В. И. Шишкина и П. Б. Стецюка, с которыми мы, безусловно, согласны, при разрешении вопроса отменой действующей конституционной поправки, а значит, конституционной нормы, Суд присвоил себе полномочия законодателя. Подобного мнения придерживается и Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), которая рассматривала данное решение по запросу группы де-

путатов ПАСЕ¹⁶. Вместе с тем предварительный контроль соблюдения процедуры внесения поправок в основной закон имеет свою конституционно-правовую историю в ряде зарубежных стран (Азербайджан, Албания, Казахстан, Литва, Молдова, Румыния, Турция, Украина) и может быть дополнительным обоснованием для законодателя при принятии окончательного решения¹⁷. Однако злоупотребление высшими судами своей властью и выход за пределы конституционных полномочий может создать не меньший правовой хаос, чем злоупотребление своей властью парламентом или даже исполнительной властью. Более того, если бы Конституционный Суд Российской Федерации хотя бы задумался об имплементации подобной порочной практики, то под сомнение могли бы поставиться и принятие в 1993 году Конституции Российской Федерации на всенародном голосовании, ведь процедурно в законодательстве Российской Федерации того времени порядок принятия и изменения Конституции устанавливался иным образом. Однако мудрость уважаемых российских судей не позволит такому случиться, ведь, как было замечено В. Д. Зорькиным Конституционный Суд Российской Федерации, принимая решения, независимо от того, к какой отрасли законодательства относятся правоотношения по конкретному делу, всегда руководствуется принципом справедливости, а это значит, что решение, принятое высшим источником власти – бесспорно по своему духу и не может оспариваться по процедуре.

Подводя итог своему короткому исследованию, стоит заметить, что конституционная доктрина современной России, как и большинства стран с развитой демократией, стоит на обеспечении судебной властью принципов конституционности, обеспечивающих справедливое общество посредством ограничения законодательной власти всеми имеющимися правовыми механизмами. Вместе с тем перед наукой конституционного права, в результате проведенного исследования, должен встать вопрос: как очертить границы контрольно-надзорных полномочий судебной власти по контролю над принимаемыми парламентом решениями и в первую очередь над законами на предмет их конституционности, а значит, и справедливости? ■

14 Лебедев В. М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и роль судов // Государство и право. 1996. № 4. С. 3.

15 Решение Конституционного Суда Украины по делу о конституционном представлении 252 народных депутатов Украины относительно соответствия Конституции Украины (конституционности) Закона Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины» от 8 декабря 2004 № 2222-IV (дело о соблюдении процедуры внесения изменений в Конституцию Украины) (электронный ресурс). URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=v020p710-10> (дата обращения: 02.04.2019).

16 CDL-AD(2010)044-e Opinion on the Constitutional Situation in Ukraine adopted by the Venice Commission at its 85th Plenary Session, Venice (17-18 December 2010) (электронный ресурс). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2010\)044-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2010)044-e) (дата обращения: 02.04.2019).

17 См. подробнее: Никитина А. В. Конституционный контроль поправок к Конституции: опыт зарубежных стран и перспектива для Российской Федерации // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2016. № 4–5. С. 21–30.

18 Зорькин В. Д. Право против хаоса: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2018. С. 158.